

Семейный ОЧАТ

С «зеленым батоном» на «зеленой волне»

ОТ НАШЕГО СТОЛА

Евгения Шевченко, коллега-журналистка, по жизни оптимистка. Сама живет на «зеленой волне» и нам унывать не разрешает: мол, делай добро — и жизнь будет гладить тебя по головке, и люди окружают будут только хорошие. Жизнь эту ее позицию одобряет, а чтобы поддержать в добрых начинаниях, подает изредка знаки в виде всяких маленьких удач и сюрпризов.

К примеру, любит Евгения на «бюшине» рынке подыскивать для своей домашней коллекции старие и старинные вещи из цветного стекла — графины всякие пузатые с выпуклыми виноградинами, вазы и тарелочки одной цветовой гаммы... И вот как-то в поисках очередной шедевра кузнецовского фарфора собирательница тарелок приобрела вещь совсем из другой «оперы», которая положила начало новой коллекции. Это оказалось маленький забавный гномик, который сигнализировал ей с «бюшиного» лотка фанариком в крохотной ручонке: мол, не пройди мимо! Хозяин гнома «оторвал» его от сердца аж за десятку, и гномик с фанариком поселился у Жени в доме.

Одному ему, конечно, было скучно, и вскоре, как по заказу, Евгению попался еще один лесной товарищ, только с корзинкой. В общем, один гном теперь грибы ищет, а другой ему фанариком подсвечивает. Носила их Жени в краеведческий музей. Оказались они не медными, как она думала, а латунными, и привезены в Магнитку, по предположению работников музея, после войны из Германии. Такие вот раритеты, может, даже из самих Альп.

Третьего гномика она приобрела на рынке в Самаре, когда гостила у двоюродной сестры. Та «на спор» уверяла Евгению, что такого добра, как гномы, у них днем с огнем не сыщешь. А жизнь Жене опять подмигнула. Теперь осталось собрать по свету еще четверых, а там и Белоснежка появится.

А сейчас плавно переходим к рецепту, который предлагает читателям «ММ» его корреспондент Евгений Шевченко. Плавно — потому как у рецепта есть предистория. Дело в том, что дочка Жени, девятилетняя Юлия... вегетарианка. Я очень удивилась, узнав, что ребенок отказался есть мясо в два года. Вот такие продвинутые бывают дети. Ребенок также очень рано сообразил, что свои права в нежелании есть мясо надо защищать, особенно от воспитателей, и подошел к делу «по науке». У родителей Юлия выяснила, что люди, которые не едят мяса, зовутся вегетарианцами, поэтому при первой же попытке воспитателя в детском саду накормить ее котлеткой, решительно отказалась: «Я — вегетарианка!» Воспитатель потом с уважением сказала родителям: «Если бы Юлия просто отказалась есть котлету, мы решили бы, что она капризничает, но когда она заявила, что «вегетарианка», мы поняли, что она не уступит». Так Юлия впервые в жизни отстаивала свои права, а у ее родителей появился повод для новой коллекции — вегетарианских приколов. К примеру, с чутокского «Вегетарианец — это криворукый охотник». Или: «Вегетарианцы животных не едят, они их, гады, обедают!»

В общем, рецепт «Зеленого батона» от Евгения Шевченко и ее дочки Юлии:

Булку разрезают не до конца, промазывают внутри майонезом с чесноком, зеленым луком и зеленью, спрыскивают водой и запекают в духовке.

Потом вегетарианский «зеленый батон» ломают на куски и съедают всей семьей перед телевизором.

«Как один день...»

«Золотым» юбилярам Шичкиным кажется, что в этот срок уместились 50 лет их семейной жизни

В который раз перечитываю записи в блокноте, перелистываю страницу за страницей, вновь возвращаясь к началу... «Как один день промелькнуло», — сказала о пятидесяти годах своей семейной жизни Тамара Сергеевна и взглянула на мужа. Заслуженный металлург России, ветеран труда и ветеран Магнитки Иван Никитич Шичкин медленно кивнул головой, соглашаясь с женой. «Как один день...» Попробуй вписать этот «день» в пару сотен строк газетного очерка! И тут взгляд наталкивается на рецепт оладушек, которым поделилась в завершении интервью Тамара Сергеевна, по признанию близких — отменная кулинарка. Что же, ужин семье все равно готовить надо. Пока крутится мясорубка, трется морковка и режется лук, начинаю упорядочивать мысли...

Наверное, всех, кто счастливы в браке, — не поверю, что можно прожить бок о бок пятьдесят лет, сцепив зубы, — вела навестку друг другу сама Судьба. Согласитесь, ну какой астролог мог нагадать рождение в 1930 году в глухом мордовском селе мальчишке-крестьянину, что через шесть десятков лет он будет уходить на пенсию с должностью заместителя начальника управления капитального строительства крупнейшего в России металлургического комбината? Что будет ответственным за пуск и освоение стана «2500» холодной прокатки в 1969 году, а в 1982 — за пуск в эксплуатацию цеха углеродистой ленты листопрокатного цеха № 8? Что будет награжден орденом «Знак Почета» и медалями? Родные мальчишки насчитают такого прогноза покрутили бы пальцем у виска и сами бы уверенно «нарисовали» судьбу: «И семилетка не окончит, с братишкой один валенки на двоих носить будет». Это оказалось правдой — и про валенки, и про учебу: девятнадцатилетний Вая Шичкин, приехавший в Магнитку поступать в ремесленное училище, имел всего... четыре класса образования. А через одиннадцать лет окончил горно-металлургический институт, получив диплом инженера и работая уже старшим мастером в листопрокатном цехе № 2. Вам бы такую тягу к знаниям, современные наши юноши!

Судьба привела на Магнитострой родителей Тамары Сергеевны аж из Куйбышевской области, и маленькая Тома Ошкина появилась на свет уже в Магнитке, через два с половиной года после рождения своего будущего жениха.

— Родилась на пятом участке, как я смеюсь, — под домной, — вспоминает Тамара Сергеевна. — Нет, правда, я просто не знаю, что наши баракы рядом со стройкой, где первую домну возводили, стояли. Так что я ровесница комбината, ему два года назад семидесятилетие справляли, и я юбилей отмечала.

Маленькая Тамара подрастала и мечтала стать врачом. И, возможно, если бы была эта мечта, не пересеклась бы ее линия жизни с линией Ивана Шичкина. Но тут Судьба вновь сделала поворот, на этот раз трагический: в 1947, когда Тамара училась в седьмом классе, скоропостижно скончался ее отец, талантливый строитель-самородок Сергей Федотович Ошкин. Мама, Евдокия Николаевна, воспитывала пятерых детей, Тамара, оставив мечту о медицине, поступила в техникум на прокатное отделение.

— Мама мне и сестрам всегда повторяла: «Учитесь, дети, учитесь. Сегодня у вас лишь одно платье, а выучитесь — много платьев у вас будет».

И Тома училась: после техникума пошла работать в листопрокатный цех № 2 и поступила в горный институт. И вот тут Судьба свела Ивана и Тамару и на работе, и в учебе, взялась за дело основательно.

— Я ее заметил, — пока жена вышла из комнаты, делится со мной Иван Никитич, — когда на работу каждый день одной дорогой шли от трамвая. Она с сестрой Расей вместе ходила, та тоже в нашем цехе работала. Я на нее и поглядывал: маленькая такая, шустрая, ладная... — А по-настоящему мы познакомились на новогоднем вечере, — Тамара Сергеевна присоединяется к приятным воспоминаниям поры ухаживания. — Новый, пятидесятый четвертый, год с парнями и девчатами цеха собирались праздновать. Цех у нас был молодежный, веселый. Я и спрашивал девчат: а кто из парней будет? Тот, говорят, и тот, и тот, и еще Иван Шичкин. Что за Шичкин, не могу вспомнить. И он, оказывается, тоже: всех знал, а со мной знаком не был. Я на праздник немного приподзала. Ишу, где бы мне сестра. Он окликнул: «А вот, садись со мной!» Села я с ним рядом — и на всю жизнь... Семнадцатого октября того же года свадьбу сыграли.

Смотрю на эту молодоваую чету и никак не могу применить к ним такие «древние» даты. Видно, что-то уловия в моем взгляде, Тамара Сергеевна про-

«Села я с ним рядом на том празднике — и на всю жизнь»

тягивает паспорт и смеется: — Его отец, Никита Антонович, перед свадьбой тоже спросил меня: «Тебе сколько лет?» «Двадцать два», — говорю. А он: «Покажи паспорт!» — А фата и белое платье у вас были? — Нет, не было. Платье было такое... розоватое. Ну что мама могла позволить, когда растила нас без отца! Маме жених мой понравился, очень. Он красивый был, и шевелюра черная, ой, черная — волной! — Где играли свадьбу? — В нашем доме на поселке Фрунзе. Весело было! Да у нас всегда было весело: мама любила молодежь. Все пели. Вечером соберемся, мама скажет: «Ну, спойте что-нибудь!» Мы поем, а она стоит в дверях — слезы на глазах.

В сентябре пятидесят пятого появился на свет первенец Шичкинских Саша, и Тамаре пришлось оставить институт: сил не хватало и на работу, и на учебу, и на воспитание ребенка. Молодое поколение сегодня знает не знает, что раньше матери уже через три месяца после родов должны были выходить на работу, а малышка — в ясли, бывало, и в круглосуточные. И ничего, выростали дети, и очень даже.

— Я с раннего детства помню: мама с папой всегда на работе. Мама хоть с семи вечера дома, а

папа — с утра до ночи на комбинате, — вспоминает младшая дочь Лена, извините, Елена Ивановна Лукьянова, ведущий экономист управления материально-технического снабжения ОАО «ММК». — Мы с братом Сашей и уроки сами учили, и в музыкальную школу, помню, с ключом на шею на веревочке я сама ходила. И хорошо учились, и у наших с Сашей детей, Ильи и Паши — моих, Никиты и Даши — Сашиных, — тяга к учебе. Видимо, от мамы с папой передалась.

Александр Шичкин сегодня — первый заместитель губернатора Белгородской области. Попал в Белгород когда-то, после окончания стройфака горного института, мастером в одно из стройуправлений, дослужился до его генерального директора.

— Я очень счастлива в моей семье, — Тамара Сергеевна перебирает фотографии в альбоме. — И дети у меня выросли хорошие, и внуки растут замечательные. Внучка Даша подарок нам сделала к золотой свадьбе: в конце июля родила правнучку Соно. А семнадцатого октября и сына с невесткой и внуками из Белгорода, и всю родню, и всех друзей лет вместе все-таки!

— Пятьдесят ли? — шутя сбивает с толку супругу Иван Никитич. — А может, двадцать пять? — Ну, если посчитать, сколько ты дома, а не на работе находишься, — подхватывает шутку жена, — то и двадцати лет не берет!

Елена МОСКОВЕЦ

P.S. Семья моя, распробовав новое блюдо, которое появилось в процессе написания этого материала, оценила его междометиями: «Ого!», «М-м-м!» и щелым предложением: «Там третьей добавки не осталось?» Этот своеобразный слоеный пирог из печеночных оладий не стыдно подать и к «золотому» юбилею. Тамара Сергеевна Шичкина делится своим фирменным рецептом: «Килограмм печени пропустите через мясорубку вместе с луком и чесноком, поперчите и посолите. Вбейте в фарш шесть яиц (муки — ни грамма!) и пеките оладушки на постном масле. Когда все испечется, в той же сковородке обжарьте лук и морковку, мелко нарубленные, конечно. А потом в глубокую кастрюлю укладывайте слоями оладушки и лук с морковкой. Как все выложите, налейте на сковородку воды из чайника, ополосните ее — и в кастрюлю. Смажьте сверху «пирог» майонезом и тушите минут двадцать. Кушайте на здоровье!»

Анекдот в тему

— Ты в гномиков веришь?
— Нет, конечно.
— А они в тебя верят. Смотри, не подведи их!

Идеальный муж — это тот, кто знает, о чем молчит его жена.

Мике ГИЙБЕЛС

«Фейсом» о грабли, или Некрасивых нет!

ОТКРОВЕННО
О СОКРОВЕННОМ

Девочки, не надоело наступать на одни и те же грабли? И пишут для нас умные люди, и показывают творческие, и разъясняют психологию. А нам все ни о чем. Нашего запала хватает только на первые двадцать пять, ну, тридцать пять лет от силы, и — все! Потом — разочарование, слезы, тренинги, те же психологи, которых слушать не хотели. Только уже с болью в душе и с выводом: «Ну и плевать на все!»

Вы догадываетесь? Конечно же, речь о нашей неповоротливости и красоте. Причем в любом возрасте. Вот только неповоротливости, следовательно — долго любимыми, мы быть не хотим. Иначе как объяснить стремление женщины «выглядеть» только по трем вариантам:

- 1-й: «Как все». Хочу, как у той или у этой.
- 2-й: «Как легче». Плевать на моду и настроение, выбираю, как удобно мне.
- 3-й: «Как пополам». Вообще не везе плевать, как выгляжу, как хочу, как веду себя.

Но есть вариант четвертый: научиться быть личностью, а не серым приложением к мужу, который когда-то был очарован твоей красотой. Ведь быть же? Так почему мы скоро перестаем понимать, что плохо выглядит — это неприлично. Не к лицу это.

Знаю, сколько в своей жизни Клаудия Шиффер съела травы в виде салатов вместо макарон на ночь, как мы, этот метод борьбы с «стелсами» боюсь предлагать. Но именно ей принадлежит мировая слава одной из самых красивых моделей. Такие, как она, работают над тем, чтобы добиться эффекта очарования. Именно работают. Тренажеры, маски, диета, стилисты, визажисты и — никакие послабления! «Они только о внешности и думают, а у нас — один проблем», — восклицаем мы, заедая свое «горе» очередной порцией картошки, вместо того чтобы маникюр сделать или седину закрасить. Седина-то и в тридцать лет проявить себя может. И, демонстрируя свою нелегкую судьбу ее наличием, боимся потратить шестьдесят рублей на краску для волос. Не удосуживаемся подобрать к новому цвету волос губную помаду, юбку в тон и пытаться выглядеть стильно.

Хватит! Не надо лениться ходить на каблуках и пора выкинуть эти «тапки» без цвета и фасона, пусть даже они удобные и дешевые. Начать носить сумоч-

ки, а не авоськи, перекашивающие фигуру. Чаше улыбаться — именно улыбка так украшает. Знаю, знаю — нет причин для этого, нет денег. Но улыбка-то ничего не стоит. На нас же без слез не взглянешь: унылая одежда, вид, как будто всех похоронили! Давайте расправим плечи, вскинем голову и не будем позорить образ Женщины!

Великая королева моды, заложившая традицию женской элегантности, Габриэль Коко Шанель сказала: «Нет женщины некрасивых, есть женщины ленивые. И еще: «Чтобы великолепно выглядеть, не обязательно быть молодой и красивой». А что делаем мы?

Мы понимаем, почему муж соседки «налево» ходит: «Еще бы! Вы только посмотрите на нее — ужас как выглядит!» А то, что свой возраст напоминает «бесконечность» — от тридцати до шестидесяти — не пугает. А если на горизонте вдруг соперница появится, так мы ее теми же граблями по ногам!.. Ну, в общем, справимся! А не справимся — опять придумаем оправдание: «Плевать на неблагодарного! Где мои глаза были?» Вот вот, глаза-то были, да не туда смотрели: то в кастрюли, то в дневники детей, в лучший случае — на мужа вскользь, а не в зеркало, да повнимательней. Но оглянемся вокруг.

У моей восемнадцатилетней дочери есть такие же молоденькие подружки. И что вы думаете, дорогие женщины? У каждой из них есть «поклонник», причем намного старше и, естественно, женатый, дай бог, не на нас, конечно. Дочь, пожалуй, единственная из компании отстала от этой прозы жизни. Спасибо девицу, вбитому мною в ее сознание: «Не бери чужое». Факт адальтера — секрет. Да дело не в нем, не в факте. Дело в принципе. Победила молодость? Вряд ли. Скорее, любовь к себе. Пока нам было некогда, «люблю к себе» молоденькой девушкой работала на нее. Мы-то уже успели, и она тоже. Губки — бантиком, ресницы — веером, маникюр — все цвета радуги. Юбочка короткая, грудь колесом, топик едва это колесо прикрывает... На лице — доверчивость и обещание. А на шее? Губы «нарисовать» забыли, прическа «и так сойдет», глаза подвести не успели, в них — тоска. И в эти глаза глядеть влюбленно? А надели что? То, что удобнее и привычнее — стюлетние джинсы без формы, юбка без цвета и фасона да дежурная

«на все случаи жизни» — кофта. И не дай бог, какая-то часть тела вылезает. Неодетым должно быть только то, что выше шеи и ниже пятки. Правильно, фигура-то — «ага», давно «уплыла» за берега приличия.

Пушкин говорил, что во всей России не найдется и пары стройных женских ног, но дело не в ногах? Конечно, не в них. Дело в нас. Помните, как я начала разговор: запал быть красивой быстро иссякает. Далее — серый вид, тоскливый взгляд, равнодушный муж, молодая соперница, посещение психоаналитика и, конечно же, аутотренинг: «Я буду счастливой, я буду счастливой. Это я — счастливая? Да пошли вы все!» Финал грустный, но достигнет его только та, которая сдалась быту и лени или собирает это сделать.

Фраза: «Мне все равно, как я выгляжу и что обо мне думают» — самая страшная в судьбе женщины. Именно в судьбе, ведь в ней мы сами принимаем участие. И чем активнее будем, тем повторение окажется. Далее — прозвонил Коко Шанель. Рожденная вне брака в бедной семье, вынужденная носить невзрачную форму во время учебы в интернате, она мечтала одеть

всех женщин в красивые одежды. Она добилась этого, и дефицита внимания со стороны противоположного пола у нее не было.

Давайте не будем биться неухоженным лицом о грабли, а начнем нравиться хотя бы себе. При этом не предлагаю кидаться в крайности: любить себя до огури и коллекционировать поклонников. Пусть около нас останется один. И не надо его цеплять к батарее или веревочке к юбке. Хватит взмах ресниц...

Ирина ЖУРАВЛОВА

Лисица с «Приветом»

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

В погожий сентябрьский день выбрались с давними друзьями за город. Вот и поворот на узкую лесную дорожку, что ведет к давно знакомой красивой поляне в лесу. Заросла короткой после покоса, но густой плотной травой. Окружает ее уже позолоченные осенью березы, среди них разбросаны заросли черемухи, молодых рябинок. Рядом, несмотря на минувшее засушливое лето, еле сочится слабенький ручеек. Красота!

— Вот хотите верить, хотите — нет, а странный случай здесь как-то произошел с нами, когда мы ехали на эту самую поляну, — сказал Сергей Васильевич, осторожно вырывая машину по узкой колдобистой дороге. — Да вот Галина не даст соврать, — кивнул он на жену. И рассказал эту необычную лесную историю.

Притормозил он тогда перед грязной колдобиной, примерившись, как лучше ее объехать. И тут Галина Николаевна острожно тронула его за локоть и шепнула: «Смотри!»

Сергей Васильевич повернул голову. Метрах в пяти от машины сидела в траве лисица и, казалось, внимательно изучала их. Ну, скажите, у кого в такой ситуации не взывает охотничий дух? Сергей Васильевич острожно приткрыл дверцу машины — лисица сидит.

— Пистолет, пистолет возьми, — торопливо зашептала Галина Николаевна. Перед отъездом Сергей Васильевич попросил у друга газовый пистолет: ведь не в парк на прогулку едут. Взял его — и к лисе. Палнуд — она хоть бы хны. Отбежала несколько метров и опять села.

Так и повела за собой. Сергей Васильевич пуляет, а зверь как будто смеется над ним. Отбежит и сядет, отбежит и сядет. Обозлился «охотник» донельзя. Сунул пистолет в карман, выломал дубину потяжелее и снова к лисе. За мудро отбежала уже подалее, чтобы дрынном ее не достали, и только.

Гонялся, гонялся Сергей Васильевич, плонуд, палку бросил и пошел к дороге. Идет, слышит: что-то следом шуршит. Оглянулся: лисица за ним двигается не спеша. Он встал — она села. Так и проводила до машины.

Вернулся домой, Сергей Васильевич к другу: «Ты что мне несправный пистолет дал?» Объяснил ему, что против животных газовые пистолеты не действуют.

— Ну, не знаю, так ли нет, — рассуждает Сергей Васильевич, — но лисица все равно непорочная, странная какая-то была. Чего она ждала-то, сидючи у дороги?

Нина СМЕРНОВА